

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ С.А. ТОРБИНА ПОСВЯЩАЕТСЯ...

Воспоминания А. Лозикова

<http://www.lozikov.ru/nakazanie-lubovu/tom-i/20-poka-ziva-bol>

20. Пока жива боль

Смерть — особа, падкая на лакомые куски, это я знал и помнил всегда. Но... как там у Твардовского: и все же, все же, все же... Смерть Сергея Торбина нокаутировала меня, как ни одна прежде. Разорванное в клочья время болталось в липкой паутине воспоминаний. В семидесятые имя Торбина ассоциировалось с именами шестидесятников. Его крепкая шея всячески противилась набрасываемому на нее поводку. В его бытность в «Молодом дальневосточнике» были опубликованы такие мои стихотворные зарисовки, как «Метель», «Землянка» и кусок на целую полосу из поэмы об Александре Гаврилюке «Первостроитель». «Землянка» — о человеке, усомнившемся в дееспособности социализма в чистом виде. И хотя попытка моего героя совместить частное с общественным не удалась, я все же протолкнул в печать свою мысль о том, что кормежка народа с государственной ложки обречена на провал.

Познакомились мы с Торбиным, когда в 1984-м я пришел работать в «Тихоокеанскую звезду». Служба собкора по лесозаготовкам связана с постоянными командировками: иногда по две-три в неделю. Отписывался я, как правило, дома, некоторые материалы отмечались, но были и провалы:слишком острые, которые были ТОЗу не по зубам, я передавал собкору «Лесной промышленности» Алимю Абдрашитову. Несколько материалов вышло в «Биробиджанской звезде». По одному из таких «неудобных» для ТОЗа материалов у нас с Торбиным состоялся разговор:

— Сорок процентов критики и шестьдесят хвалежа, ты не выдержишь, — сказал он, когда я удобно уселся за столом в его кабинете. — В критике зачастую переигрываешь. Лесное начальство не из тех, кто, получив удар по левой щеке, подставит другую. Даже если ты на сто процентов прав. При желании ты умеешь обыграть тему так, что пощечина выглядит поцелуем иуды.

Как-то в августе 1985-го он выдернул меня из кабинета и предложил прокатиться на дачу Куприянова. Лично с поэтом Куприяновым я никогда прежде не встречался, да и к стихам его относился с дурацким чувством восторга перед скрытым в них вторым планом. Хотя, вполне возможно, никакого второго плана в них не было, а была попытка философствования, точнее, топтания на месте с легким постукиванием бесовских копытцев по звонкому днищу все больше оскудевающего социализма. В каком-то роде поэзия Куприянова была похожа на стихи Богданова. В его сборнике «Ничто» Игорь Литвиненко увидел Нечто, но объяснить читателю, в чем именно скрыто это Нечто так и не смог. По пути на дачу Торбин читал веселые безделушки Хармса. И хорошо, что не Бабеля, поскольку дача Куприянова находилась в двух шагах от центра. Где-то в районе кладбища мы свернули налево, долго ехали в тесном тоннеле из дикой зелени, потом шофер несколько минут сигналил в ожидании, пока охранник откроет ворота. Прежде мне никогда не приходилось бывать на столь яростно охраняемых дачах и поэтому я решил, что Куприянов, как, впрочем, и сам Торбин, относятся к номенклатурной элите. Хотя дача ничем от других не отличалась. Те же шесть соток, давно не стриженный сад, домик с

крытым крылечком и дождик, который обрушился на сады сразу после того, как мы переступили порог гостеприимного домика.

Куприянов произвел на меня впечатление простецкого парня. Рядом с медлительным рассудочным Торбиным он выглядел шустрым мальчишкой. Тарелки с закуской, рюмки все летало и пело в его руках, а глаза при этом искрились радостью: так он реагировал на дождь. И в этом мы были с ним похожими. Я тоже люблю летние проливные дожди, особенно, если ты находишься под крышей садового домика, да еще с интересными людьми! Из беседы, которая началась сразу после опрокинутой первой, я понял, что Куприянов уезжает в Киев, чтобы внедриться в какую-то недовольную властью молодежную организацию. И внедряет его туда якобы Комитет госбезопасности.

Я до сих пор мучаюсь загадкой: с какого перепугу Торбин пригласил меня на эту прощальную беседу с поэтом Куприяновым. К гебистам я относился в зависимости от среды их обитания снисходительно или с затаенной завистью. Последнее чувство вызывали у меня романтики, работающие в тылу врага; столоначальники напоминали ржавую воблу, а ищейки с высунутыми языками интересовали как весьма заметное, но обреченное на провал явление.

Итак, мы пили водку, закусывали свежими огурчиками и говорили о чем угодно, но только не о поэзии. После третьей я заметил, что Куприянова тяготит предстоящая командировка, с оттенком иронии относится к ней и Торбин. «Если молодежь Киева настроена решительно, я не смогу в полной мере выполнить поручение, — как бы между прочим заметил Куприянов.— Наша государственная телега пробуксовывает сразу на четыре колеса. Об этом откровенно говорят политики, да и гебисты прекрасно сознают, что творят...»

Возможно, мысль свою Куприянов выразил не совсем в этих словах, но за то, что он сказал именно это — ручаюсь. Слова Торбина я запомнил, возможно, только потому, что он умел выражать свои мысли более сжато: «Держать отчет начальству труднее, чем его планировать». Куприянов ответил тостом: «Авось да проскочим!»

Не знаю, чем закончилась командировка, скорее— ничем, так как горбачевская перестройка уже дышала нам в уши, а я шесть месяцев спустя ушел в издательство, совершив своего рода предательство по отношению к краевой газете. Но публикации Торбина в ТОЗе были, пожалуй, единственными, которые читал всегда. После воцарения Виктора Ишаева особых откровений от некогда престижной газеты я не ждал. От Торбина — тоже, хотя не исключая что все сердечные потрясения были связаны с невозможностью говорить то, о чем всегда болело его своболлюбивое сердце.

Источник: <http://shipbuilding.ru/rus/news/russian/2004/04/30/torbin/>

**В Хабаровске с плашкоута спущен на воду теплоход "Сергей Торбин"
30.04.2004 17:16**

Сегодня в Хабаровске с плашкоута спущен на воду после зимнего профилактического ремонта теплоход "Сергей Торбин". Ранее этот теплоход именовался просто: "Метеор-245". После обращения в Амурское речное пароходство правительства Хабаровского края,

депутата Госдумы РФ Борис Резника и редакционного коллектива "Тихоокеанской звезды" было решено рабочему теплоходу на подводных крыльях, курсирующему на скоростной линии Хабаровск - Николаевск-на-Амуре, присвоить персональное имя: "Сергей Торбин".

На реке в этом году появится еще несколько судов с новыми именами. По случаю 150-летия годовщины начала регулярного судоходства на Амуре имена еще пяти выдающихся людей, среди которых генерал-губернатор Н.Н. Муравьев-Амурский, амурские судоводители и механики, которые долгое время трудились на благо пароходства, присвоены теплоходам пароходства. Так, фамилию капитана А.М. Богодайко станет носить прогулочный теплоход "Москва-217". А имя "Механика Джасова" будет присвоено "Москве-206".

В начале апреля сотрудники "ТОЗа" побывали на борту "Сергея Торбина". Чтобы познакомиться с экипажем, оформить кое-какие бумаги, узнать, какая нужна поддержка и помощь. Возглавляет дружный экипаж капитан Александр Кольцов. И в навигацию этого года судно из кагорты "крылатого флота" отправится в середине мая.

Источник новости: Vostokmedia.com

<http://shipbuilding.ru/rus/news/russian/2004/04/30/torbin/>